

ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ПОТРЕБНОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОЯСНЕНИЯ

*Что значит знать – вот в чём вопрос...
Гёте*

По мере постижения усложняющейся правовой реальности, семантическое пространство истории права пополняется новыми дефинициями и категориями, равно как и новыми значениями уже существующих. Как при всех семантических метаморфозах сохранить тождество смысла?

Насколько реальна реальность, которую мы воспринимаем, и её словесное определение?

Термин “реальность” полисемантичен. Человеческие представления о реальности постоянно эволюционируют и существенно отличаются в разные эпохи. Концепции начала, середины и конца XX века отличны друг от друга, а равно и от концепций начала века XXI. Во второй половине XX – начале XXI века границы представлений о реальности, воспринимаемой сознанием, существенно расширились. Достижения новых, ранее не существовавших наук – ядерной и квантовой физики, генетики и нейрогенетики и др. во многом перевернули прежние представления. Выяснилось, что ядро атома – сфера не менее ёмкая и загадочная, чем любая философская и теологическая теория. В квантовой физике появились концепции, изменившие человеческую жизнь. В упрощенном виде две из них можно представить следующим образом: 1) Смысл уравнений квантовой физики заключается в том, что все в этой Вселенной состоит из элементарных единиц информации. Казавшаяся такой твердой и неизблемой материя превратилась в “облака вероятностей”. Стол в комнате и планета, вращающаяся вокруг удаленной звезды, не более реальны, чем цифровые поля, описывающие их. 2) Аксиома “неопределенности” Б. Гейзенберга (которая определяет информационную Вселенную) гласит: реальность не дана нам свыше, а создается нашими наблюдениями.

Как образно сформулировал нобелевский лауреат Нильс Бор: “Раньше было принято считать, что физика описывает вселенную. Теперь мы знаем, что физика описывает лишь то, что мы можем сказать о вселенной”. Математик Джон фон Нейман, один из ведущих защитников мнения Бора о том, что наука не в состоянии найти “одну глубокую реальность”, лежащую в основе всех инструментальных реальностей, продвинулся на шаг дальше Бора. Так как квантовый мир не вписывался в аристотелевскую логику “либо... либо”, Нейман изобрел трехзначную логику, которая лучше подходит к квантовому миру. Если Аристотель оставил нам два варианта выбора: “истинно” и “ложно”, Нейман добавил к ним “может быть”. Фундаментальное открытие квантовой физики говорит о том, что мы не можем делать осмысленных утверждений о некотором

предполагаемом “реальном мире” или некоторой “глубокой” (“истинной”, “объективной”) реальности, лежащей в основе “этого мира”, не учитывая самих себя, наших нервных систем и других инструментов.

Психология стала использовать лучшие модели физики XX столетия – релятивистские модели, описывающие различные координаты реальности “ощущаемые телами при обмене сигналами в пространстве-времени”. Сегодня всё более осозанным становится утверждение, что основным инструментом восприятия, наблюдения, записи, накопления, синтеза и передачи информации во всех областях знания и всех областях человеческой деятельности является нервная система в совокупности с ее расширениями, созданными ею же, – компьютерами, электронными приборами и т.д. Поиск ответов во многом определяется исследованием самого инструмента исследования: человеческого мозга. Наши впечатления – это “часть нас самих”, это наш собственный продукт, плод нашей логически-художественной карты мира.

Гуманитарные исследования методологического уровня всё чаще обращаются к проблеме осмысления реальности среди зарубежных философов и социологов (П. Бергер, Т. Лукман, П. Бурдьё) и феноменологической герменевтики (П. Рикер) [1]. В литературе советского и постсоветского периодов встречается обращение к аспектам реальности: социальной (Р. А. Смирнова), нравственной (В. А. Малахов), исторической (Н. М. Есипчук) [2]. Для обозначения автономного мира права с его законами и логикой функционирования и развития, с “несущими конструкциями” и способом их связи в многоединое целое в последние годы всё чаще употребляется понятие “правовая реальность” (И. П. Малинова, В. А. Бачинин, С. И. Максимов) [3].

П. Бергер и Т. Лукман (представители феноменологического направления) определяют реальность как качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания (“мы не можем от них отделаться”) [4]. В таком значении она оказывается не столько онтологической, сколько феноменологической категорией, поскольку акцент делается не на объективном существовании, независимо от субъектов, а на восприятии бытия как существующего независимо от воли и желания субъекта. Реальность может быть и объективной, и субъективной, и интересубъективной, и символической, и трансцендентной. Главное, что субъект не может проигнорировать такую реальность и воспринимает её как само собой разумеющееся, т.е. как очевидность. Правовая реальность поэтому не только то, что осуществляется в институтах права или правоотношениях, но также и те очевидности, которые хотя и не имеют предметного бытия, но с которым мы должны считаться (не можем не считаться) [5]. С. И. Максимов предлагает “интегральную концепцию правовой реальности как мира права, который конструируется из правовых феноменов, упорядоченных в зависимости от отношения к базисному феномену, и как некой “первореальности” права” [6].

С точки зрения постнеклассической науки, сознание не отражает объективную действительность, а существует в рамках интересубъективной реальности, составляя её часть.

Историчность – важная составляющая реальности вообще и правовой реальности в частности. Где грань, отделяющая правовую реальность от историко-правовой? Что можно считать точкой перехода из потенциальности в реальность, из возможного в действительное, из не случившегося в случившееся?

В семантическом пространстве истории права понятие “историко-правовая реальность” постепенно приобретает категориальный статус. Историко-правовая реальность – это ретроспектива совокупности всех юридических явлений, присущих определенному обществу в конкретном пространстве-времени. Историческая отстраненность даёт возможность воспринимать её как некую целостность, но в своей эмпирической действительности она “распадается” на элементы и взаимосвязи между ними. Историко-правовая реальность включает в себя эволюцию субъектов права; правовых норм и принципов; всего многообразия правового поведения (правотворчества, правореализации, правоприменения, юридической практики, правового воспитания); правосознания и правовой культуры (индивида/общности/общества), а также эволюцию явных и неявных взаимосвязей между ними. Но главным элементом, главной фигурой историко-правовой реальности выступает человек (“бытие в праве” – одна их граней нашего бытия).

Историко-правовая реальность содержит не только юридические парадигмы и постулаты своего времени, но и парадоксы и патологии. Не только “правильности”, но и “неправильности”. Не только официальные правила игры, но и реальность игры и самих игроков. Не только очевидное, но и неочевидное.

Историко-правовая реальность сохраняется и изменяется в нашей памяти (сознательной и бессознательной). “Память – это жизнь. Её носителями всегда являются группы живых людей; поэтому она постоянно претерпевает изменения. Под действием воспоминаний и забвения она всегда находится в процессе развития, не осознавая при этом собственных деформаций и оставаясь открытой для всякого рода использования и манипуляций. Иногда она никак не проявляет себя в течение долгого времени, затем вдруг оживает. История всегда представляет собой неполную и спорную реконструкцию того, чего уже нет. Память всегда принадлежит нашему времени и образует живую связь с вечным настоящим, тогда как история – это представления о прошлом” [7].

Историко-правовая рефлексия (которая тоже процессуальна) является составной частью историко-правовой реальности своего времени. В какой терминологии (и насколько адекватно) можно описать историко-правовую реальность? Она многослойна и неоднозначна, поэтому плодотворным представляется терминологический синтез не только понятий и категорий истории права, но и других наук, описывающих иные грани реальности. И здесь невозможно обойти вниманием семиотику и семантику, лингвистику и феноменологию, квантовую физику и транзакционную психологию (психологию восприятия).

Реальность содержит разные смыслы и языки описания этих смыслов. “Структура языка является ключом к познанию реальности” [8]. Как известно, язык естественных наук существенно отличен от языка наук общественных и гуманитарных (впрочем, язык философии, истории, юриспруденции

и социологии тоже весьма различен). Однако универсальные языки – только частный случай языков. Н. Бор подчёркивал: “Мы не будем рассматривать чистую математику как отдельную отрасль знания; мы будем считать её скорее усовершенствованием общего языка...” [9].

“Информация содержит в себе не только память о прошлом, но и отчетливые траектории будущего” [10]. Сложность информации задана качественными характеристиками объекта и субъекта. Трансляция информации на уровне сигналов не тождественна её прочтыванию на уровне знания, требующего более сложных знаковых систем или языков, естественных или искусственных, хотя переводимость сигналов в знаки и наоборот создаёт иллюзию их тождественности. Свёртывание и развёртывание информации – процесс самоозначивания субъекта как отдельного индивида, так и общества в целом. Семиотическое понимание информации представляет единицы отражения и деятельности в терминологии, говоря точнее: “В какой конкретной форме не использовалась бы информация и каковы бы ни были цели этого использования, информация предстаёт в виде некоторых комбинаций знаков, имеющих определённый смысл благодаря их вхождению в знаковые системы. При этом наблюдается прямая зависимость сложности знаковой системы от сложности передаваемой информации. С понятием информации тесно связано понятие знака. Под знаком понимается любой предмет (событие, явление), несущий информацию (сообщение, сведения, знание) о чём-либо, отличном от себя самого. Знаки и знаковые системы выступают как форма существования информационных процессов” [11].

На современные науки сильно повлияла общая семантика – продукт польско-американского инженера Альфреда Кожибского, пытавшаяся сформулировать новую неаристотелевскую логику, чтобы удалить “эссенциалистские”, или аристотелевские, правила игры из наших нейролингвистических реакций (речи и мышления) и перенастроить наши мозговые программы на экзистенциалистские и феноменологические концепции и особенно на квантовую механику. Именно семантическая система позволяет нам получать сигналы, посланные 2500 лет назад такими людьми, как Сократ и Конфуций. Она же позволяет нам посылать сигналы, которые, возможно, будут кем-то приняты в будущем. Эта времясвязывающая функция символизма дает людям возможность использования накопленного за долгий срок опыта, недоступную большинству животных, а также позволяет нам страдать от “проблем”, которые, если и существуют, то только на лингвистическом уровне. “Слова не являются в пространстве-времени тем вещам, к которым они относятся, но люди относятся к различиям между словами так ревностно, словно речь идет о различиях между “реальными” вещами или событиями в экзистенциальном мире” [12].

Такого рода нейролингвистические галлюцинации настолько широко распространены среди людей, что обычно мы их даже не замечаем. И часто “путаем карту с территорией” (А. Кожибский) и “не можем отличить меню от еды” (А. Уотс). К каким бы сравнениям мы не прибегали, имеется в виду то, что “люди странным образом склонны смешивать свои ментальные картотеки, или

нейролингвистические решетки, с невербальным миром чувственно воспринимаемого пространства” [13]. А еще 2500 лет назад Лао-Цзы в “Дао дэ цзин” писал: “Дорога, о которой можно говорить, – это не тот путь, который можно пройти” [14].

Феноменологическая социология исходит из разделения всех наук на “науки о природе” и “науки о духе”. С точки зрения английского феноменолога Д. Уолша, с этих позиций только природный мир может быть охарактеризован как мир объектов, “материальных (иногда непосредственно осязаемых) чувственных данных (фактов), которые внешни по отношению к наблюдателю и существуют независимо от него”. Явления этого мира могут наблюдаться извне, а их наличные свойства – идентифицироваться в терминах парадигмы, причем это будут именно те свойства, которые имеют отношение к наличной цели исследующего эти явления специалиста. В этом – суть свойственной естественным наукам методологической процедуры. Процессы образования понятий, верификации теории, причинного объяснения в любой из естественных наук должны завершаться прямым соотношением с определяемыми указанным выше образом внешними свойствами объекта. Напротив, социальный мир – это мир субъективного, а не мир объективного. Он отнюдь не представляет собой реальность... отдельную от людей, образующих действительный “состав” этого мира. Наоборот, социальный мир – это экзистенциальный продукт человеческой деятельности. Благодаря этой деятельности он сохраняется и изменяется. Поскольку социальный мир intersubjectively конституирован участниками деятельности, он экстернализуется как существующий вне их и независимо от них, то есть обретает некоторую степень объективной фактичности. Мысль Дюркгейма об объективной (фактуальной) природе социального мира сегодня дополнена пониманием того, что фактичность – это воплощение методов, используемых членами общества с целью его познания. Ведь именно индивиды в процессе постижения мира (объясняя, определяя и воспринимая) экстернализируют и объективируют его, применяя все доступные средства для выражения постигаемого. Первым и основным средством является естественный язык, предоставляющий категории для интерпретации явлений социального мира. Благодаря этому именно в языке мир объективируется и экстернализуется для самих его носителей [15]. Как говорят социологи, мы создаем свою собственную фразеологию тех “реальностей”, с которыми сталкиваемся.

Трансакционная психология (наука о том, как мозг обрабатывает данные), основанная в значительной степени на передовых исследованиях человеческого восприятия, проводившихся в Принстонском университете в 40-е годы Альбертом Эймсом, соглашается со всеми вышеупомянутыми системами в том, что мы не можем познать никакую абстрактную “Истину”, а только относительные истины (со строчной буквы, во множественном числе), порождающиеся играми нашего мозга, который создает различные модели из получаемого каждую секунду океана новых сигналов. Трансакционализм также придерживается того мнения, что мы не пассивно принимаем данные из вселенной, но активно “создаем” ту форму, в которой мы интерпретируем данные, – причем с такой же быстротой,

с какой принимаем их. Коротко говоря, мы не реагируем на информацию, но переживаем трансакции (“сделки”) с информацией.

Историко-правовую реальность невозможно понять и описать исключительно рационально, исключив метафоричность духовных чувственно-интуитивных знаний и многозначность символизма.

Понимание семантического синтеза помогает понять синтез содержания.

Конвенционально допуская в историю права теоретико- и философско-правовые выкладки в качестве законодательных аналогий и используя достижения других наук (физики, психологии, семантики, лингвистики и т.д.), вряд ли возможно обойти стороной специфику истории. Факт в истории – это то же, что клетка в биологии, основа основ (материя истории), но именно достоверность событий и фактов всегда может быть поставлена под сомнение. Историк лишен возможности реального, непосредственного наблюдения события и фиксации факта, основная работа заключается в определении источников, проверке их подлинности, достоверности, степеней вымысла, чтобы иметь достаточные основания для истолкования. Так или иначе, историко-правовая реальность “попадает в руки” исследователя в заведомо деформированной форме.

Источники наших знаний об историко-правовой реальности – все объекты, непосредственно и/или опосредствованно отражающие историко-правовой процесс и дающие возможность изучать правовое/квазиправовое/антиправовое прошлое индивидов/общностей/государства, а также результаты их взаимодействия с другими (не юридическими) гранями реальности. Количество историко-правовых источников безгранично, но число сохранившихся от различных исторических периодов неодинаково.

Аутентичная достоверность событий, подкрепленная и подкрепляемая различными свидетельствованиями, сохраняясь в пространстве-времени в сознании и в бессознательном, размывается, поскольку не обладает статусом независимости ни от сознания, ни от бессознательного. Во многом – это территория мифа. Историко-правовая реальность настолько же вероятна, как и источники, рассказывающие о ней...

Кроме того, очередным камнем преткновения остается осознание времени и его социальных запросов. Историко-правовые знания социально обусловлены и социально значимы, иначе история права не изучалась бы столь широко и одновременно столь поверхностно.

К тому же определенная конкретность историко-правового анализа событий и фактов вырастает из конкретности субъекта, проводящего этот научный анализ. Разные исследователи выбирают те или иные, но, по сути, разные сюжеты и события историко-правовой реальности. И на основании, казалось бы, одного и того же исторического материала приходят к разным выводам. Вполне закономерно, что в процессе рефлексии многогранной, многоуровневой и многозначной историко-правовой реальности появляются концепции разного уровня осмысления. Природа научного знания такова, что всё подвергнуто сомнению и ничто человеческое не чуждо исследователю.

Историко-правовая реальность и наши представления о ней соотносятся примерно так же, как местность и карта этой местности. Ничто не равняется историко-правовой реальности, кроме неё самой. Она сложнее любых концепций. Любая научная модель всегда будут оставаться чем-то меньшим, чем реальность. Наши концепции могут описывать значительные (или незначительные) части историко-правовой реальности, но ни одна из них не может охватить её полностью.

“Не исключая наблюдателя из описания наблюдаемого” и перефразируя Нильса Бора, скажу: историк права описывает не историко-правовую реальность, а лишь то, что мы можем сказать о ней...

Литература

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М., 1995; Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / П. Рикер. – М., 1995; Бурдьё П. Социология политики / П. Бурдьё. – М., 1993.
2. Смирнова Р. А. Природа социальной реальности как предмет познания / Р. А. Смирнова. – К., 1978.; Малахов В. А. Нравственный аспект культурного бытия личности / В. А. Малахов // Бытие человека в культуре. Опыт онтологического подхода – К., 1992; Есипчук Н. М. Историческая реальность как предмет познания / Н. М. Есипчук. – К., 1978.
3. Малинова И. П. Философия права (от метафизики к герменевтике) / И.П. Малинова. – Екатеринбург, 1995; Бачинин В. А. Философия права и преступление / В. А. Бачинин. – Х., 1999; Бачинин В. А. Морально-правовая философия / В. А. Бачинин. – Х., 2002.; Максимов С. И. Правовая реальность: инструментальный и коммуникативных подходы / С. И. Максимов // Проблемы законности. – Х., 1995. – Вып. 29; Максимов С. И. Способы осмысления правовой реальности / С. И. Максимов // Проблемы законности. – Х., 1995. – Вып. 30; Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления / С. И. Максимов. – Х., 2000.
4. Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. – С. 9.
5. Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – С. 32.
6. Там же. – С. 148.
7. Nora P. Les lieux de la memoire / P. Nora. – Paris, 1984. – Т. 1. La Republique. – P. XIX.
8. Рассел Б. Человеческое познание / Б. Рассел. – М., 1957. – С. 180.
9. Бор Н. Избранные философские труды / Н. Бор. – М., 1971. – Т. 2. – С. 482.
10. Уилсон Р. А. Квантовая психология / Р. А. Уилсон. – М., 2002. – С. 216.
11. Лобас В. Ф. Семиотические предпосылки эффективности управления / В. Ф. Лобас. – К., 1980. – С. 82-83.
12. Уилсон Р. А. Указ. соч. – С. 94.
13. Там же. – С. 88.
14. Лао-Цзы. Книга пути и благодати. – М., 2003. – С. 49.
15. Уолш Д. Социология и социальный мир / Д. Уолш // Новые направления в социологической теории. – М., 1978. – С. 52-53; Лосский Н. О. Избранное / Н. О. Лосский. – М., 1991; Франк С. Л. Предмет знания / С. Л. Франк. – СПб., 1915; Гайденко П. П. Диалектика “теокосмического всеединства” / П. П. Гайденко // Идеалистическая диалектика в XX столетии: (Критика мировоззренческих основ немарксистской диалектики). – М., 1987. – С. 105-106.

Анотація

Атоян О.М. Историко-правова реальність: потреба семантичного прояснення. – Стаття.

Автор прояснює полісемантичність категорії “історико-правова реальність” – ретроспективи сукупності всіх юридичних явищ, властивих певному суспільству в конкретному просторі-часі, яка містить не тільки юридичні парадигми і постулати свого часу, але й парадокси та

патології. Не тільки “правильності”, але й “неправильність”. Не тільки офіційні правила гри, але і реальність гри і самих гравців. Не лише очевидне, але й неочевидне.

Ключові слова: історико-правова реальність, семантика, феноменологія, час і простір.

Summary

Atoyán O.M. History and legal reality: Necessity of the Semantic Clarification.
– Article.

The author clarifies polysemantic character of category «history and legal reality» as retrospective views of aggregate of all legal phenomena, incident to certain society in concrete area and time, which contains not only contemporary legal paradigms and postulates but also paradoxes and pathologies. Not only regularity, but also irregularity. Not only official rules of play but also reality of play, and players. Not only obvious but also unobvious.

Key words: history and legal reality, semantics, phenomenology, time and area.

УДК 340.115:340.12:1

Т.А. Занфірова

ІСТОРИЧНЕ ТА ЛОГІЧНЕ В МЕТОДОЛОГІЇ ФІЛОСОФІЇ ПРАВА

Накопичений упродовж століть величезний фактичний матеріал у сфері практичної юриспруденції, численні спроби осмислити його в межах існуючих філософських і наукових парадигм зумовлюють підвищену увагу до методологічних проблем вивчення правової реальності. Вся історія пізнання природного та соціального світу свідчить про те, що саме методологічна озброєність вирішальним чином визначає евристичний потенціал, дослідницьку спроможність конкретної науки чи філософських розвідок, її значущість, перспективи розвитку й застосування практичних висновків. Філософські праці в галузі правознавства та юридичної науки як минулих років, так і сьогодення демонструють не лише широкий діапазон іноді різнорідних методичних підходів і засобів, але й суперечливість самого ставлення до розуміння методології [1; 2; 3].

Слід визнати, що методологія є однією з найменш розроблених галузей теоретичного правознавства, насамперед філософії права. Такий стан склався внаслідок панування впродовж десятиліть вульгарного розуміння марксистського вчення, коли було накладено “вето” на методологічні, проблемні питання. Методологію обмежували виключно “матеріалістичною діалектикою”, тобто набором певних категорій і законів, які розглядали під кутом зору панівної ідеології й вважали абсолютно правильними, більше того, такими, що не мають альтернативи. Такий стан був характерним не лише для права, а для всього комплексу суспільних наук. Теоретична свідомість, зокрема праворозуміння, яке було виховано на догматичних засадах і характеризувалося зануреністю в повсякденну позитивістсько-законодавчу діяльність, призвело до того, що правознавці, як зазначав видатний представник київської школи юристів